

УДК 17.021.3

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-155-161

ШАРОНОВ Дмитрий Иванович
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
г. Москва, Россия
dmitrij.sharonov@gmail.com

Dmitrii I. SHARONOV
Lomonosov Moscow State University
dmitrij.sharonov@gmail.com

**ГРАНИЦЫ КАК ИЛЛЮЗИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПЕРИПЕТИИ «МЕДИАТИЗАЦИИ»**

**BOUNDARIES AS ILLUSION: THE HISTORICAL
VICISSITUDES OF THE "MEDIATIZATION"**

Статья обобщает результаты критического анализа эволюции термина «медиа-тизация» в научном и публицистическом дискурсе. Количество публикаций по данной теме в последние годы значительно увеличилось, в научный оборот введен ряд новых терминов. В этой связи назрела необходимость пересмотра методологического инструментария исследования практик навязывания автономным общественным институтам особых медиа-логик функционирования. Задачей работы является прослеживание факторов возникновения и развития явления медиа-тизации в разные исторические периоды. Подчеркивается парадоксальный характер эволюции смысла в эпоху гипермедиа, где многие концепты обретают латентный модус существования. Смысл концепта призван улавливать присутствие незаметных окружению подстановок значений, исподволь трансформирующих семантические порядки сообществ. Это способствует склонности воспринимать нейтральные сигналы внешней среды в качестве семантически структурированных символических посланий. Взаимные наложения медиа-миров способствуют невольному размыванию привычных смысловых границ, приносят раздражающую путаницу в коллективные суждения и оценки. Результатом действительно часто становится «вирусный» эффект массовых маний - охоты на ведьм, золотой или тюльпанной лихорадки. Автор различает сильную и слабую версии теории медиа-тизации, применяя сетевую логику оформления системы гипермедиа. Сущность самого процесса трактуется в ключе редактирования матриц и кодов коллективной памяти целостной культурной идентичности со стороны особых контролирующих звеньев, опосредующих естественный режим ее развития. Определены исторические и культурные предпосылки поддержания естественного семантического баланса в экосистемах коммуникации. Сформулирован вывод о том, что истоки практик медиа-тизации следует искать в ранние периоды культурной истории человечества одновременно со становлением навыков членораздельной речи и массового участия в коллективных ритуалах.

The article summarizes the results of a critical analysis of the term "meditation" evolution in scientific and journalistic discourse. The number of publications on this topic in recent years has increased significantly, a number of new terms have been introduced into the scientific vocabulary. There is a need to revise the methodological tools for researching practices of imposing special media logics on autonomous public institutions functioning. The objective of the article is to trace the factors of the emergence and development of the phenomenon of meditation in different historical periods. It emphasizes the paradoxical nature of the evolution of meaning in the era of hypermedia, where many concepts acquire a latent mode of existence. The meaning of the concept is designed to capture the presence of imperceptible substitutions of senses that gradually transform the semantic orders of communities. This contributes to the tendency to perceive neutral signals of the external environment as semantically structured symbolic messages. Mutual layers of media worlds contribute to involuntary blurring of the familiar semantic boundaries, bring an annoying confusion to collective judgments and assessments. The result has often been the "viral" effect of mass mania - witch hunts, gold fever, and tulip fever and so on. The author distinguishes between strong and weak versions of the theory of meditation, applying the network logic to the design of the hypermedia system. The essence of the process itself is treated by the angle of editing matrices and codes of an integral cultural identity collective memory from special controlling links mediating the natural mode of its development. The historical and cultural prerequisites for maintaining a natural semantic balance in the communication ecosystems are determined. The conclusion is drawn that the origins of mediation practices should be sought in the early periods of the cultural history of mankind simultaneously with the development of skills of articulate speech and mass participation in collective rituals.

Ключевые слова: медиа-тизация, экосистема коммуникации, гипермедиа, двойная связность, парадокс, медиа-логика, культурные изменения

Keywords: meditation, communication ecosystem, hypermedia, double bind, paradox, media logic, cultural changes

В рамках одной из недавних дискуссий о проблемах «постязыка» известный аналитик Пол Холмс поведал забавную историю. Он говорил о ребенке, пытающемся легкими касаниями пальцев «поменять картинку» на глянцевой обложке печатного журнала, который читал в домашней обстановке его коллега. Автор данной статьи уже высказывался на тему методологических проблем исследования парадоксальных форм, которые при-

нимают сегодня процессы медиатизации пространств общественности [1, с. 234-239]. Приходится признать, что минувшее с тех пор десятилетие настолько поменяло эти реалии качественным образом, что давно назрел момент очередной ревизии всего исследовательского инструментария.

Надежными индикаторами возрастающей актуальности вопроса служит ввод в поле внимания исследовательского сообщества целого «букета» новых понятий и терминов. Авторы предлагают модели «гибридных» медиасистем, рассуждают о «цифровых поколениях» и особенностях их социализации, о процессах «конвергенции» современных медиаплатформ на новой цифровой основе [2, с. 244; 3, с.15]. Как бы внезапно радикально возрос и градус накала теоретических дискуссий на тему «медиатизации». Количество статей, монографий, научных конференций здесь по своей интенсивности сопоставимо разве что с азартными дискуссиями последних лет по проблемам «постправды».

Принимая во внимания тот факт, что эти споры пока еще очень далеки от своего конструктивного завершения, автор предлагает объединить весь комплекс методологических трудностей, возникающих на пути здоровой рефлексии происходящего под сенью интегрирующего концепта «гипермедиа». Представляется, что имеет смысл таким образом компактно локализовать достаточно диффузный предмет теоретического рассмотрения. Можно попытаться применить здесь сетевой принцип организации материала, рассматривая явно смежные проблемные области как соответствующие «субтерминалы» (аспекты, измерения) центрального «хаба» гипермедиа. В противном случае пестрый карнавал мемов цифрового сторителлинга, формой резонанса которого сегодня становится качественно новый тип организации сообществ и экосистем в целом, так и останется запутанным клубком не совсем прозрачных (если не совсем загадочных!) отношений и процессов.

Также следует учесть и тот факт, что, наряду с некоторыми популярными ныне неологизмами, термин «медиатизация» все отчетливее смещается в особый класс «дремлющих» семантических единиц. Как оказывается, последние способны латентно присутствовать в общественном и академическом дискурсах вплоть до момента своей внезапной актуализации под напором различного рода ситуативных факторов. Провоцирующим рост частоты использования слова обстоятельством могут послужить даже регулярные «вбросы» сообщений из достаточно авторитетного источника в пространство социальных сетей. Курьезные заявления, зачастую содержащие лишь оценочные суждения, как выяснилось, вполне способны задавать текущую повестку дня общественных обсуждений со всеми непредсказуемыми ее исходами. В этой связи символичен единодушный выбор лексикографами ведущих англоязычных словарей в номинации «слово года» терминов «постправда» (2016) и «поддельные новости» (2017). Прояснить функциональный статус и эволюционные перспективы подобных явлений непросто: сами наиболее востребованные сегодня термины были запущены в оборот за десятилетия до своего нынешнего триумфа и совсем по иным поводам.

Так, термин «медиатизация» известен историкам еще со времен строительства наполеоновской империи, где он символизировал важный аспект германской политики Талейрана. Ее вектор сводился тогда к резкому сокращению большого количества мелких самостоятельных княжеств, находившихся в прямом подчинении Священной Римской империи. Суть реформы заключалась в применении механизма управления ими через посредство более влиятельных суверенов несколькими уровнями иерархии выше, также подконтрольных имперскому центру. Политические коннотации происхождения оригинального немецкоязычного слова здесь более чем уместны. Достаточно указать, что одна из наиболее авторитетных версий современной теории медиатизации рассматривает публичную политику в качестве приоритетной сферы укоренения медалогик. Иными словами, то, что интересно в новостном плане СМИ и хорошо транслируется с помощью соответствующих технологий, становится приоритетными стратегическими поводами и ресурсом для кампаний паблисити конкретных политических игроков.

Приоритет русскоязычной адаптации термина принадлежит Ф.И. Тютчеву. В письме к А.И. Георгиевскому от 2/14 января 1865 г. содержание процесса медиатизации отождествляется им с коммуникационными стратегиями публицистических баталий вокруг катковских «Московских Ведомостей». По его оценкам, планы враждебной коалиции были нацелены на утверждение идейного принципа «безнародности» самодержавия в пространстве российского публицистического дискурса. Термин, таким образом, трактуется уже в контексте разоблачения идеологических уловок оппонентов, направленных на «охлаждение русского начала» [4, с. 179]. Поэт и дипломат, разумеется, имел в виду попытки противоположной стороны символически редуцировать идею легитимности укоренения государственных институций непосредственно в доминантной системе ценностей национальной культуры.

Хотя инициаторы процессов медиатизации, как и сами ее исторические контексты, здесь существенно неоднородны, техника посредничества имеет явные сходства. В обоих случаях предполагалось внедрение в экосистему некоего доминантного звена в целях контроля спонтанных связей, питающих автономию режима коммуникаций. Известно, что идеологически нагруженные клише «сияющих обобщений» в разные эпохи осуществляли крайне эффективную фильтрацию процессов самодеятельного творчества смыслов: достаточно вспомнить о государственной цензуре или, скажем, о деятельности инквизиции. Как видим, функционал медиатизации уже тогда трактовался в ключе редактирования матриц и кодов коллективной памяти целостной культурной идентичности - базового фактора проверки связности перспективной ее программы развития. В случае успеха проектов навязывания паттернов общественных самоописаний с заведомо смещенным фокусом и акцентами медиафакторы параллельно порождали и неизбежные риски массовой дезориентации. Способствуя прочтению текущих событийных рядов под углом зрения предчувствий, постоянно тревожащих коллективное воображение, институты медиатизации срабатывали подобно Дельфийскому оракулу: еще Гераклит Эфесский подметил его способность представлять откровение богов в форме интуитивно толкуемой мозаики косвенных намеков и произвольных ассоциаций. Как видим, оригинальный (как теперь модно говорить - «нативный») смысл концепта призван улавливать присутствие незаметных окружению подстановок значений, исподволь трансформирующих семантические порядки сообществ.

В свое время Г. Бейтсон выдвинул предположение, что подобный феномен «транс-контекстуального замешательства» объясняется тягой медиатизированных сообществ к «двойному прочтению» в общем-то нейтральных сигналов внешней среды в качестве семантически структурированных символических посланий. «Внешний опыт может быть вставлен как кадр (framed) в контекст сна, внутренняя мысль может проецироваться в контексты внешнего мира» [5, с. 295]. Подобного рода эксцентричные мыслительные эксперименты на грани возможного всегда грозили нарушением естественно сложившегося семантического баланса культурных систем. Взаимные наложения медиамиров во все времена способствовали невольному размыванию привычных смысловых границ, приносили раздражающую путаницу в коллективные суждения и оценки. Вспомним недавнюю американскую «клоунофобию», навеванную триллером «Оно», или продолжающуюся там же и поныне эпидемию обвинений публично известных персон в сексуальных домогательствах. Буквальное здесь уже легко пересекается с метафорическим, воображаемое - с реальным, а лишь потенциально возможное - с упорно ожидаемым. Поэтому попытки отыскать четкие указатели границ исторического периода «начала» процесса медиатизации человеческой культуры, на наш взгляд, утопичны. Можно предположить, что феномен непосредственно восходит к зарождению и развитию когнитивных способностей человека к абстрагированию и символическим манипуляциям. Можно сослаться в данной связи на научный авторитет Хельмута Плеснера, в частности на положения его теории «эксцентрической позиционности».

Результатом действительно часто становился «вирусный» эффект массовых маний - охоты на ведьм, золотой или тюльпанной лихорадки, всеобщего переселения «на теплые реки». «Мы обнаруживаем, - иронически писал еще в XIX в. замечательный летописец массовых истерий Чарльз Маккей, - что целые социальные группы внезапно останавливают свои взоры на какой-то одной цели, преследуя которую сходят с ума: что миллионы людей одновременно попадают на удочку одной и той же иллюзии и гонятся за ней, пока их внимание не привлечет какая-нибудь новая глупость» [6, с. 13]. Похоже, что чувства личного разочарования (или даже смятения) участников таких движений перед лицом непрерывного ряда исторических конфузов никак не гарантировали от вовлечения в очередной цикл проб и ошибок.

Парадоксальным образом конкретные исторические результаты такого рода массовых мобилизаций, как правило, способствовали непредвиденным функциональным сдвигам и стремительному «перетеканию» социального напряжения на более высокие уровни организации экосистем коммуникаций. Так, основание в 1606 г. Лондонской Вирджинской компании под влиянием легендарных историй сэра Уолтера Рейли о Новом Свете отнюдь не способствовало обретению их акционерами несметных сокровищ Эддорадо. Взамен несбыточным мечтам благодарное человечество получило от предприятия крайне удачный по своим свойствам сорт табака и в перспективе - целую галерею знаменитых сигаретных брендов. Сконструировавший фонограф Томас Эдисон был искренне убежден, что изобрел прибор для надежной фиксации мимолетностей телефонного общения (наподобие старого доброго телеграфа). Немного времени спустя музыканты вынуждены были озаботиться перспективами востребованности живого исполнения как такового: звукозапись в сочетании с радиотрансляцией стремительно разогнала бум массовой поп-культуры, породив целый веер модных музыкальных стилей. Перечень подобных недоразумений можно было бы продолжить.

Та же парадоксальность легко прослеживается и в характере развертывания самой академической дискуссии о методологическом инструментарии исследования вопроса. Первые опыты использования понятия «медиатизация прямых межличностных отношений» со стороны СМИ в немецкоязычной социологической литературе относятся еще к 1933 г. (Эрнст Мангейм). С той поры дело продвинулось недалеко. Настоятельные попытки ряда исследователей из Германии и скандинавских стран обосновать правомерность использования оригинального концепта как базового для современных медиаисследований в глобальном масштабе до сих пор вызывают недоумение и критику их англоязычных коллег. Фундаментальная неустойчивость статуса и неумеренный плюрализм теоретического содержания данного конструкта порождает вопрос: а не правомернее ли рассматривать сами продвигающие концепт инициативы как проекты стратегической медиатизации (или академического брендинга) конкретных методов исследования «медиатизации» в эпоху гипермедиа? И эта формула - вовсе не оксюморон, а естественное выражение факта «многослойности» феномена, где каждая более глубинная страта норовит захватить смысл понятия в целом, включить его в собственный масштаб, в субъективную «историю» фрейма (по Г. Бейтсону). Значит, существует и риск вовлечься в фантазийную игру «двойных прочтений», где различные по степеням общности контексты конкурируют друг с другом, образуя окружения метауровней, смещая перспективы подстановками мнимых смысловых эквивалентов, меняя отношения притяжения на отталкивание и наоборот. Знаменитые античные парадоксы типа «Лжец» или «Еватл» наилучшим образом иллюстрируют риски подобной «двойной связности». Для конструктивной работы с такими коммуникационными образованиями стоит ориентироваться лишь на размыкание их метауровней путем пошагового распутывания сети взаимных семантических откликов в целях индексирования моментов возможных пересечений.

Если сосредоточиться на «сильной» версии модели медиатизации (ведь она ближе по смыслу политизированному первоисточнику термина), то слабым звеном неизбежно оказывается как раз центральный ее концепт некоей универсальной «медиалогии»

(Дэвид Элтейд и Роберт Сноу, 1979). Адепты данного подхода традиционно акцентируют важность институционального и технологического аспектов аккомодации публичной политики партий, движений или их парламентских представительств к требованиям формата СМИ и ожиданиям массовой аудитории. Шведский политолог Кент Асп в 1986 г. обозначил этот эффект потери автономной инициативы специализированными институтами термином «медиализация политики» [7, с. 112].

По мере превращения цифровых форматов в центральный системообразующий фактор конвергенции медиаплатформ, фактического стирания граней между интерактивными и сетевыми технологиями стала очевидна потеря медиаклассикой собственной идентичности, тотальная компьютерная ее симулируемость. Поэтому в исследовательской среде растет осознание того факта, что «традиционный теоретический аппарат, приспособленный к массовой коммуникации, оказывается все более непригодным для описания новой экосистемы» [8, р. 139]. Вместе с тем попытки выработать взамен некую «сетевую медиалогику» или модель «медиазации 2.0» выглядят несколько искусственными из-за принципиально контингентного характера структурной организации гипермедиа. Единый центр стратегических решений здесь более невозможен: журналистский и политический мейнстрим отныне вынужден сосуществовать и взаимодействовать с крайне разнородными сегментами «сообществ участия», взаимодействующих по принципу вирусного редактора.

«Слабую» версию модели в последние годы активно продвигают исследователи из Бременского университета Фридрих Кротц и Андреас Хепп, финский историк медиа Юкка Корти и профессор из Осло Кнут Лундби. Опираясь на классическую модель «медиазации» Джона Томпсона (1995), они сумели обосновать достаточно связную географически и исторически картину коэволюции медиа и культуры в качестве многоуровневого целостного «метапроцесса» по типу глобализации. Концепция предусматривает учет параметров контекста, получающих операциональный статус в категориях культурно разнородных «полей» и личных «медиазированных миров», исключая единую траекторию универсальной «логики» трансформаций. «Медиазация - это концепт реконструирующего анализа медиапреобразований, - убежден Ф. Кротц, - ...не являющийся медиацентричным» [9, р. 106].

Однако и в данном случае критики совершенно справедливо обращают внимание на недостаточно избирательный характер категориальной сети: ее критерии грешат такой обобщающей силой, что зачастую упускают из вида факторы некоммуникативной природы. Это не способствует решению задачи обеспечения подлинной когерентности истории медиа, четкому различению поворотных пунктов и границ отдельных этапов становления системы.

В некотором смысле авторы даже делают шаг назад от модели Томпсона в стремлении превратить «провокативный неологизм» в «теоретически чувствительный концепт». С. Ливингстон совершенно справедливо акцентирует фактор контроля, изначально исторически присущий феномену медиазации, перечисляя ряд дисфункций слишком академично трактуемых «мягкой» версией «метапроцессов»: вторжение идеологизированных посланий; «двойной зажим» медиазависимости; дезориентирующие эффекты символической перегрузки; поглощение личности отношениями квазиобщения [10, р. 5]. Еще более определенно высказывается на этот счет Юкка Корти: «Медиазация несомненно играет важнейшую роль в экономике и политике в разнообразнейших формах (пиар, реклама, цензура, пропаганда)» [11, р. 121]. Именно в рамках системы гипермедиа, на наш взгляд, стало возможным превращение этих форм в доминирующую сегодня тенденцию культурной динамики.

Подводя итоги проведенного выше анализа, имеет смысл кратко резюмировать основные его выводы. Во-первых, выясняя суть процесса медиазации, невозможно отвлечься от первичного его содержания, возникшего в рамках определенной исторической ситуации и прошедшего длительную эволюцию в публицистическом и академиче-

ском дискурсах. Во-вторых, протоформы медиатизации в точном значении этого термина, по-видимому, следует искать уже на заре культурной истории человечества одновременно со становлением навыков членораздельной речи и массового участия в коллективных ритуалах. Изобретение же способов механического копирования символов или электронного кодирования сигнала лишь порождало «волны» экспоненциального роста соответствующих отраслей производства в системе общественного разделения труда. И, наконец: история медиатизации являет собой непрерывно развертывающуюся сеть парадоксальных, по своей сути, явлений, ведущих к гипермедиатизации образа жизни современного человека. Система гипермедиа должна быть тщательно исследована с экологической точки зрения на предмет предпосылок поддержания приемлемого баланса спонтанных и «постановочных» компонентов коммуникационного ее ландшафта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Шаронов Д.И. О коммуникативном смысле медиатизации // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. - 2008. - № 2.
2. Амзин А. и др. Как новые медиа изменили журналистику. 2012-2016 / А. Амзин и др. - Екатеринбург; М.: Гуманитарный университет, Кабинетный ученый, 2016. - 304 с.
3. Мультимедийная журналистика: Учебник для вузов / Под общ. ред. А.Г. Качкаевой, С.А. Шомовой. - М.: Дом Высшей школы экономики, 2017. - 413 с.
4. Тютчев Ф.И. Письма 1860-1873. - М.: Директ-Медиа, 2015. - 842 с.
5. Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. - М.: Смысл, 2000. - 476 с.
6. Маккей Ч. Наиболее распространенные заблуждения и безумства толпы. - М.: Альпина Паблишер, 2003. - 843 с.
7. Ampuja M, Koivisto J. & Väliverronen E. Strong and Weak Forms of Mediatization Theory // *Nordicom Review* - 35 (2014) Special Issue. - Pp. 111-123.
8. Mazzoleni G. Changes in contemporary communication ecosystems ask for a "new look" at the concept of mediatization // *Javnost: The Public*. - 2017. - Vol. 24. - No. 2. - Pp.136-145.
9. Krotz F. Explaining the mediatization approach // *Javnost: The Public*. - 2017. - Vol. 24. - No. 2. - Pp. 103-118.
10. Livingstone S. On the Mediation of Everything: ICA Presidential Address 2008 // *Journal of Communication*. - 2009. - No. 59. - Pp. 1-18.
11. Kortti J. Media history and the mediatization of everyday life // *Media History*. - 2017. - Vol. 23. - No. 1. - Pp. 115-129.

REFERENCES

1. Sharonov D.I. O kommunikativnom smysle mediatizatsii. [On the communicative meaning of mediatization]. *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. 2008. No. 2. Voronez, 2008 (In Russ).
2. Amzin A. i dr. Kak novyye media izmenili zhurnalistiku. 2012-2016. [How New Media Changed Journalism 2012-2016]. A.Amzin i dr. Yekaterinburg, Moskva: Gumanitarnyy universitet, Kabinetnyy uchenyy, 2016. 304 p. Yekaterinburg, Moscow, 2016 (In Russ).
3. Mul'timediy'naya zhurnalistika: uchebnik dlya vuzov /pod obshch. red. A. G. Kachkayevoy, S. A. Shomovoy. [Multimedia Journalism: A Textbook for Universities]. M.: Izd. Dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2017. 413 p. Moscow, 2017 (In Russ).
4. Tyutchev F.I. Pis'ma 1860-1873. [Letters 1860-1873] M.: Izd. Direkt-Media, 2015. 842 p. Moscow, 2015 (In Russ).
5. Beytson G. Ekologiya razuma. Izbrannyye stat'i po antropologii, psikhii i epistemologii. [Bateson G. Steps to an Ecology of Mind] M.: Smysl, 2000. 476 p. Moscow, 2000 (In Russ).
6. Makkey CH. Naiboleye rasprostranennyye zabluzhdeniya i bezumstva tolpy. [Mackay Ch. Extraordinary Popular Delusions and The Madness of Crowds] M.: Izd. Al'pina Publisher, 2003. 843 p. Moscow, 2003 (In Russ).
7. Ampuja M, Koivisto J. & Väliverronen E. Strong and Weak Forms of Mediatization Theory. *Nordicom Review* 35 (2014) Special Issue, pp. 111-123.
8. Mazzoleni G. Changes in contemporary communication ecosystems ask for a "new look" at the concept of mediatization. *Javnost: The Public*, 2017. Vol. 24, No. 2, pp.136-145.

9. Krotz F. Explaining the mediatisation approach. *Javnost: The Public*, 2017. Vol. 24, No. 2, pp. 103-118.
10. Livingstone S. On the Mediation of Everything: ICA Presidential Address 2008. *Journal of Communication*. No. 59, 2009, pp. 1-18.
11. Kortti J. Media history and the mediatization of everyday life. *Media History*, 2017. Vol. 23, No. 1, pp. 115-129.

Информация об авторе:

Шаронов Дмитрий Иванович, кандидат философских наук, доцент, кафедра философии языка и коммуникации, философский факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия
dmitrij.sharonov@gmail.com

Получена: 14.11.2017

Для цитирования: Шаронов Д.И. Границы как иллюзия: исторические перипетии «медиазации». Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 1. с.155-161.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-155-161.

Information about the author:

Dmitrii I. Sharonov, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy of Language and Communication, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, dmitrij.sharonov@gmail.com

Received: 14.11.2017

For citation: Sharonov D.I. Boundaries as illusion: the historical vicissitudes of the "mediatization". *Historical and Social-Educational Idea*. 2017. Vol. 9. no.6 Part. 1. Pp. 155-161.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-155-161. (in Russian)